

ЛЕО ПЕРУЦ

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-312.4(436)
ББК 84(4Авс)-44
П26

Серия «Эксклюзивная классика»

Leo Perutz
ZWISCHEN NEUN UND NEUN

Перевод с немецкого *И. Мандельштама*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения PAUL ZSOLNAY VERLAG Ges.m.b.H.

Перуц, Лео.

П26 Прыжок в неизвестное : [роман] / Лео Перуц ;
[перевод с немецкого И. Мандельштама]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-188243-3

Сатирический роман-притча о молодом человеке, отчаянно скрывающем от окружающих то, что его руки закованы в наручники. Он нуждается в деньгах, проходит все круги ада, чтобы раздобыть их, но снова и снова наталкивается на стену невозможности взять в руки то, что получил. Реальность это или тонкая метафора?..

УДК 821.112.2-312.4(436)
ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-17-188243-3 © Paul Zsolnay Verlag Ges.m.b.H., Wien, 1993, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Глава I

Фрау Иоганна Пюхель, владелица бакалейной торговли на Визенгассе, вышла из своей лавки на улицу в восьмом часу утра. День выдался пасмурный. Воздух — сырой и прохладный, небо — в тучах. Погода совсем подходящая, чтобы позволить себе рюмочку горькой. Но бутылка со сливянкой, стоявшая на полке, была почти пуста, и фрау Пюхель решила приберечь остаток к празднику. Осторожности ради она заперла бутылку в кухонный шкаф, ибо супруг ее, чинивший во дворе тележку, совершенно сходил с ней в положительной оценке спиртных напитков.

До восьми часов появилось только несколько постоянных покупателей: парикмахерский подмастерье, которому она каждый день готовила завтрак — хлебец с луком и пучок редиски; двое школьников, купивших леденцов на двенадцать геллеров; кухарка госпожи инспекторши, пришедшая за двумя кило картофеля и пучком салата, и господин из Министерства труда, который уже много лет ежедневно брал бутерброды для завтрака в лавке фрау Пюхель. Торговля оживилась только после восьми часов и в половине девятого была в полном разгаре. В начале десятого часа зашла по-

болтать старая фрау Шимек, та, что торгует табаком на углу Карл-Денкгассе. Разговор коснулся неприятной истории, которая вышла у фрау Пюхель с выписанным из Венгрии сыром-брынзой.

И разговор этот был прерван появлением Станислава Дембы, того господина Дембы, чье необычайное поведение служило затем в течение многих недель обильным материалом для бесед обеих этих дам.

Демба три раза проходил мимо дверей, прежде чем решился войти, и всякий раз пугливо заглядывал в помещение. Казалось, он ищет кого-то. Бросалось в глаза и то, как он вошел: на дверную щеколду он нажал не рукой, а локтем и затем постарался правым коленом открыть дверь, что ему и удалось после нескольких попыток.

Затем он продвинулся в лавку. Это был рослый, плечистый человек с короткими рыжеватыми усами и гладковыбритым лицом. Его светло-коричневое пальто было свернуто в виде ролика, и носил он его на руках, как муфту. По-видимому, он прошел большое расстояние: сапоги у него были в пыли, брюки до колен забрызганы уличной грязью.

— Хлеба с маслом, пожалуйста! — попросил он. Фрау Пюхель протянула руку к ножу, но сперва решила закончить разговор с фрау Шимек.

— Мне уже вот что не понравилось: когда ящик доставили, он весил семьдесят кило, а я ведь заказала семьдесят пять кило брынзы. Ну а когда я сняла крышку, можете себе представить, вид у брынзы был такой, что хоть посылай его на поправку подышать летним воздухом. Совсем сгнил, так червями и кишит. Вам что, позволите?

Станислав Демба от нетерпения несколько раз ударил ногой о прилавок.

— Хлеба с маслом, пожалуйста, но поскорее, я тороплюсь.

Лавочница не дала, однако, отвлечь себя от важной темы.

— Простите, эта дама пришла первая, — сказала она господину Дембе. — Я должна сначала ее отпустить.

«Отпустить» ее она начала с того, что продолжала в несокращенном виде излагать историю с брынзой.

— Я, разумеется, сделала заявление, и подумайте только, что отвечает мне этот человек! Он, видите ли, — она достала из кармана передника замасленное, смятое письмо и принялась искать инкриминируемые строки. — Ага, вот тут, посмотрите-ка... «Сыр был упакован должным образом, и я не отвечаю за незначительную убыль в весе, которую понес товар при транспорте». За незначительную убыль в весе! Я думала, что меня хватит удар, когда я это прочитала.

— Это у них всегда такие отговорки, — сказала фрау Шимек.

— Но тут он, знаете ли, ошибся адресом! Вы думаете, я это ему спущу? Как же, нашел дуру!

— Совсем необразованный народ!

— Ведь надо быть преступником, чтобы сказать такую вещь! — воскликнула фрау Пюхель в крайнем негодовании.

Тут ее в третий раз перебил господин Станислав Демба, который был, казалось, не расположен дольше ждать своего хлеба с маслом.

— Быть может, — сказал он с раздражением, насмешкой и подавленной яростью, — когда ваш справедливый гнев уляжется, я все же получу, наконец, мой хлеб с маслом?

— Я уж и занялась этим, — сказала лавочница, — потерпите немного! Вы, видно, очень спешите!

— Очень, — отрезал Станислав Демба.

— Не посидите ли еще, фрау Шимек? — крикнула фрау Пюхель вдогонку уходившей приятельнице.

— Мне надо заглянуть в свою лавку, я потом еще к вам забегу.

— Вы, верно, где-нибудь служите, господин, в конторе или канцелярии? — спросила лавочница своего нового покупателя. — Я говорю только к тому, что вы очень торопитесь.

— Во всяком случае время у меня не краденое, — грубо ответил Демба.

— Ну, вот и готово.

Фрау Пюхель протянула ему хлеб с маслом.

— Двадцать четыре геллера.

Господин Демба сделал порывистое движение в ее сторону, но тартинки не взял. Несколько раз он медленно провел языком по губам, наморщил лоб и вид имел такой, словно у него внезапно возникли серьезные сомнения насчет полезности этой еды.

— Может быть, его разрезать? — спросила лавочница.

— Да, разумеется, разрежьте его. Не думаете же вы, что я сразу весь хлеб засуну в рот?

Женщина разрежала хлеб на тонкие ломтики и положила их перед покупателем.

Демба к ним не притронулся. Он постукивал носком сапога по полу и щелкал языком, словно нетерпеливо ждал какого-то события, которое не желало наступить. Глаза его за стеклами пенсне в роговой оправе бродили вокруг, точно в поисках помощи.

— Не прикажете ли еще чего? — спросила фрау Пюхель.

— Что? Да. Есть у вас краковская колбаса?

— Краковской нет. Есть чайная, копченая, салями.

— Так дайте чайной.

— Сколько?

— Восемь дека. Или нет, десять дека.

— Десять дека? Пожалуйста.

Женщина завернула колбасу в бумагу и положила рядом с хлебом.

— Все вместе шестьдесят четыре геллера.

Демба не взял ни того ни другого. У него вдруг оказалось в распоряжении чрезвычайно много времени, и он обнаружил поражающий интерес к мелким особенностям внутреннего устройства бакалейной лавки. Он постарался расшифровать надпись на ярлыке бутылки с уксусом, а затем предался изучению нескольких жестяных плакатов, висевших по стенам и над прилавком. «Здесь продается излюбленный ржаной хлеб Газенмайера», «Лучшее туалетное мыло Хвойки» — читал он с большим вниманием, и губы его при этом беззвучно шевелились.

— Это он и есть — излюбленный ржаной хлеб Газенмайера? — спросил он и наклонился испыты-

юще над своей тартинкой, на которую тем временем опустились две мухи.

— Нет, это хлеб из пекарни «Эврика».

— Вот как! Собственно говоря, мне бы хотелось газенмайерского.

— Вкус у них одинаковый, да и цена одна, — ответила лавочница.

— В таком случае ладно.

Поведение Дембы становилось все загадочнее. Он вдруг с искаженным лицом взглянул на потолок, и по лбу его покатилась капелька пота.

— Можете вы послать мне эти вещи на дом? Меня зовут Станислав Демба.

— Вещи на дом? Какие вещи?

— Да вот эти.

Господин Демба показал глазами на свои покупки.

— Чайную колбасу?

Лавочница изумленно уставилась на господина Дембу. Подобное требование она слышала первый раз в жизни.

— Нельзя? Я попросил об этом потому, что мне нужно еще кое-куда зайти, и я не хочу таскать с собой эту покупку. Мне казалось, что в таком большом деле, как ваше... Нельзя? Ну и ладно. Это ничего.

Он принялся тихонько насвистывать, несколько мгновений следил за мухами, гулявшими по его тартинке, а потом вперил испытующий взгляд в деревянный ящичек с сушеными сливами.

— Много ли будет вишен в этом году? — спросил он вдруг.

— Как где, смотря по погоде, — сказала фрау Пюхель и взялась за свое вязанье.

Демба все еще не собирался уходить.

— Будут ли они дешевле, чем в прошлом году?

— Не думаю.

Разговор опять оборвался. Лавочница взяла чулок, а внимание Дембы было всецело поглощено коробкой с сардинками.

Вошли покупатели: девочка, спросившая соевых огурцов, и кучер, купивший копченой колбасы. Когда они ушли, Демба все еще оставался в лавке.

— Нельзя ли мне получить стакан молока? — спросил он.

— Молоком я не торгую.

— В таком случае рюмку водки.

— И водкой не торгую. Вам, может быть, нездоровится?

Станислав Демба поднял на нее глаза.

— Что вы сказали? Да. Конечно. Мне нездоровится. У меня желудочные боли. Все время. Неужели вы этого не заметили?

— Рюмочка сливянки найдется у меня в квартире. Может быть, вам от нее станет легче, — сказала лавочница.

Лицо у Дембы вдруг просияло.

— Да, пожалуйста. Принесите мне, голубушка, сливянки. Говорят, это лучшее средство от зубной боли.

Катерль, старшая девочка фрау Пюхель, играла в соседней жилой комнате со скакалкой. Она была толста и неуклюжа, и ей редко удавалось догово-

ритель стишок, в такт которого она прыгала через веревочку. Только что она начала слова:

Господин медведь
Прислал поглядеть,
Долго ли кофе будет кипеть...

— Кати, — сказала лавочница, — посиди-ка в лавке, пока я не вернусь. Не знаешь ли, куда я положила ключ?

— Он в ящике, — сказала Катерль и опять начала скакать.

Завтра в восемь
Милости просим.
К девяти часам
Я кофе подам...

Фрау Пюхель отперла кухонный шкаф. Но в то время как она наливала водку в рюмку, ее вдруг озадачила чрезвычайно тревожная мысль. Покупатель так странно вел себя. Сначала он торопился, а потом его нельзя было выпроводить из лавки. Все высматривал и выпрашивал, как будто у него в голове неладно, а на самом-то деле, может быть, на кассу позарился. В кассе было четырнадцать крон, и коралловые бусы, и два кольца с бирюзовыми камешками, и сберегательная книжка Катерль, и два образка!

Со шкаликом сливянки в руке фрау Пюхель, бледная от страха, ворвалась в лавку.

— Так и есть! В лавке — никого! Исчез, прощелыга! Плакали наши денежки, четырнадцать крон!

Фрау Пюхель, задыхаясь, упала на стул и в ярости выдвинула ящик с деньгами.

Но в кассе все было в полном порядке. Вот чашечка с серебряными монетами, а рядом — оба кольца, коралловые бусы, сберегательная книжка и два образка.

Слава тебе, Господи! Все в целости. Только хлеб и колбасу стащил. Но зато сливянка уцелела. Это обстоятельство настроило ее примирительно. Конечно, ему нечем было заплатить за колбасу и хлеб! Что ж, она бы ему подарила их, попроси он об этом. Мы ведь люди, а не звери.

Фрау Пюхель после пережитого страха залпом выпила рюмочку сливянки. Затем вышла на улицу поглядеть, не видно ли беглеца. Но Станислав Демба успел скрыться.

Когда она вернулась, взгляд ее упал на несколько никелевых и медных монет, лежавших на прилавке. Три монеты по двадцать геллеров и два крейцера. Шестьдесят четыре геллера.

Станислав Демба добросовестно отсчитал деньги на прилавке, а затем сбежал с покупкой, как если бы украл ее.

Глава II

Надворный советник Клементи совершал свою ежедневную утреннюю прогулку по Лихтенштейнскому парку в обществе приятеля своего, профессора фон Труксы, и своей собаки Кира. Надворный советник Клементи, заведовавший древневосточным отделением художественно-исторического музея

и временно руководивший этнографо-антропологическим отделением, несомненно знаком читателям и в особых рекомендациях не нуждается. Своим капитальным, изданным Академией наук трудом «О происхождении древнеассирийских собственных имен» он обеспечил за собой видное место в ученом мире, а его остроумные исследования «индийских кафельных рисунков и влияния их на орнаментику персидских ковров» сделали его имя популярным в широких кругах любителей искусства, художников и коллекционеров.

Профессор фон Трукса, действительный член Академии наук (по философско-историческому отделению) и преподаватель консульской академии, не столь известен. Среди его многочисленных трудов по языковедению первое место занимает превосходный калмыцко-немецкий словарь. Другие его произведения, как, например, исследование о скоплении полугласных «р» и «л» в кимрийских наречиях и его объемистое сочинение об этнографии и языке сомалийских племен, получили известность среди зарубежных специалистов.

Впрочем, научная деятельность этих двух почтенных особ не играет в этом рассказе сколько-нибудь значительной роли, и мы поэтому только вскользь упомянем, что профессор фон Трукса незадолго до этого вернулся из продолжительной ученой экспедиции в северную часть Башана и занят был сообща с надворным советником Клементи разработкой и опубликованием научных плодов этого путешествия, коими являлись многочисленные более или менее хорошо сохранив-

шиеся памятники хетской и финикийской словесности.

Что же касается Кира, собаки надворного советника, то ее порода не поддается точному установлению. Однако мы не слишком далеко уклонимся от истины, если причислим ее к семейству шпицев. Она умела носить поноску, давать лапу и «просить»; шерсть у нее была белая в коричневых пятнах, а темперамент отважный.

Надворный советник Клементи передвигался медленно и к тому же имел привычку, разговаривая, часто останавливаться, охотнее всего на особенно оживленных улицах; сознавать себя препятствием для уличного движения, казалось, было ему приятно. Даже неудовольствие Кира, выражавшееся в порывистом дерганье за шнурок, было бессильно против этой слабости ученого, хотя обычно пес тиранил его и во всем навязывал ему свою волю, а при переходе через Фарфоровую улицу профессору Труксе нелегко было ограждать своего друга от опасностей, грозивших со стороны электрического трамвая.

В Лихтенштейнском парке было в это время — в десятом часу утра — довольно много народу. Девочки и мальчики с обручами и мячами бегали по усыпанной песком аллее, бонны и кормилицы, болтая, катили детские коляски, гимназисты с важным видом повторяли уроки. Оба ученых направлялись в уединенную часть парка, где их поджидала скамья, стоявшая в тени старых акаций и скрытая от взоров других гуляющих густым кустарником. Там они имели обыкновение каждое

утро часок-другой посвящать просмотру своих рукописей и корректур, не привлекая чьего-либо внимания и, в свою очередь, не обращая внимания на шум и суету.

Сперва, однако, оба ученых мужа занялись разговором насчет области распространения гашиша. Профессор Трукса отстаивал взгляд, согласно которому употребление гашиша известно только на Востоке, чем вызвал энергичное возражение на-дворного советника.

— Вам, несомненно, известно, — сказал господин Клементи, — что в доисторических могилах Южной Франции найдены были маленькие глиняные трубки, содержавшие остатки *Cannabis sativa* L. Наши предки, наверное, курили коноплю, и она же была знакома древним грекам. Вспомните то место в «Одиссее», где говорится о напитке Непента, который «угашает печаль и память о всяком страдании». А *gelotophyllis*, «трава смеха» древних скифов, о которой рассказывает Плиний!

— Я предпочел бы все же не сходить с твердой научной почвы, — возразил профессор Трукса. — Вирт в Мюнхене идет ведь еще дальше вас, не подкрепляя, впрочем, своих теорий сколько-нибудь серьезными доказательствами. Он утверждает, будто великие массовые психозы в древнем мире, как фллагеллантизм, так и поразительные эпидемии плясок, надлежит рассматривать как следствие неумеренного употребления гашиша или подобного ему наркотического средства.

— Я не могу, конечно, присоединиться к этим уклонам мысли профессора Вирта, за которым,

впрочем, признаю в его области немаловажные заслуги. Я только утверждаю, что единичные случаи употребления гашиша, бесспорно, наблюдались в Европе постоянно, да и ныне, вероятно, могут быть наблюдаемы. Заметьте, единичные случаи! Я, например, помню одного неаполитанского портового рабочего... Какие, впрочем, симптомы можете вы указать, господин профессор?

— Я сразу узнаю курильщиков гашиша по их мгновенно меняющимся склонностям и настроениям и по их необычайно повышенной силе воображения. Один продавец лимонада в Алеппо, которого мне удалось наблюдать в состоянии опьянения, считал себя архангелом Гавриилом. Один арабский почтальон в Варане выдавал себя за кузнечика и до тех пор пытался слететь с городской стены, пока не поломал себе ноги. Иногда люди, обычно спокойные и миролюбивые, неожиданно совершают грубые насильственные действия. Я видел, как один ночной сторож в Дамаске без всякого повода нанес такой сильный удар в живот безобидному прохожему, что беднягу пришлось отнести в больницу.

— Но ведь наркотическое состояние выражается, вероятно, по-разному у различных рас, не правда ли? — спросил надворный советник.

— В этом отношении я даже пошел бы дальше. Если не говорить об отдельных неизбежно обнаруживающихся симптомах, то каждый индивид по-особому реагирует на действие гашиша.

В пылу спора ученые остановились. Было бы, однако, неправильно предположить, будто тема